

Я поэт, и был поэт,
И поэтом я умру.
Но видал я с детских лет
В окнах фабрик

поздний свет, —

Он в уме оставил след,
Этот след я не сотру.

Это стихотворение, написанное Константином Бальмонтом в 1905 году называется «Поэт — рабочему» и кончается такими строками: «О рабочий, я с тобой, Бурю я твою — пою». И он действительно пел в то время бурную волну первой русской революции сам полав в ее мощный поток, участвовал в стачках, демонстрациях, декабрьском восстании.

Еще в 1901 году Бальмонт написал стихотворение «Маленький султан» — яркий романтический протест против существовавшего тогда строя, за что последовала высылка из Петербурга и запрещение проживать в столицах и столичных

в Париже сборник «Песни мстителя», запрещенный царской цензурой в России. Резкое обличение самодержавного строя в этой книге и активное участие в оппозиционном журнале «Красное знамя» сделали невозможным возвращение Бальмонта на родину вплоть до 1913 года.

Увлечение поэта революцией было хоть и сильным, но, как показали дальнейшие события, неглубоким. Бальмонт не смог понять и принять пролетарскую революцию 1917 года. Но тем не менее этот период оставил яркий след в его творчестве, в его жизни. Сегодня мы публикуем отрывок из хранящихся в ЦГАЛИ воспоминаний жены поэта Екатерины Александровны Бальмонт, относящийся как раз к этому времени.

«...Бальмонт вернулся в Москву в 1903 году. До конца 1905 года мы прожили с ним в Москве. Отсюда он ездил в свои

длинные нудри из-под широкополой шляпы бросались в глаза.

У всех правительственных и военных учреждений стояли патрули с винтовками и обыскивали прохожих, «подозрительных» на их взгляд. Бальмонт, конечно, был подозрителем. За ношение оружия в те дни полагалась строгая кара. Я однако уговорила Бальмонта подарить свой револьвер юноше-грузину, дружиннику Горького.

Но и без оружия Бальмонт продолжал ходить по улицам Москвы, вязываясь во все столкновения полиции с гражданами и держался по детски неосторожно, даже вызывая, каждую минуту рискуя быть арестованным.

Тан, на Рождестве мы засиделись у Рябушинского (миллионер-мещан. — П. К.) на елке, которую он устроил для писателей. Мы уже запаздывали: после 11 часов вечера прекра-

Константин
БАЛЬМОНТ.

«Этот след я не сотру»

губерниях в течение трех лет. Это стихотворение было отмечено и одобрено В. И. Лениным. События первой русской революции сблизили К. Бальмонта с Горьким. Через его посредничество поэт печатал свои стихи в большевистской газете «Новая жизнь». Революционные стихотворения Бальмонта были настолько эмоциональны, агитационно-зажигательны, что нередко распевались как песни. Надо помнить еще о колоссальной популярности Бальмонта в те годы, когда он, по словам В. Я. Брюсова, нераздельно царил над русской поэзией.

Участие поэта в революционных событиях, его вызывающе дерзкие стихи сделали Бальмонта объектом постоянных преследований царской охранки, и в 1906 году он был вынужден эмигрировать за границу. В том же году была конфискована и уничтожена книга поэта «Стихотворения», выпущенная издательством товарищества «Знание» в серии «Дешевая библиотека». Как известно, одним из руководителей этого издания был А. М. Горький. В его личной библиотеке сохранился экземпляр уничтоженного сборника, на переплете которого приклеена страничка с машинописным текстом, сообщающим о судебном преследовании и конфискации книги.

В 1907 году Бальмонт издал

первое большое путешествие в Мексику.

Вернувшись осенью 1905 года, он страстно увлекся революционным движением. Все дни проводил на улице, строил баррикады, произносил речи, влезал на тумбы.

На университетском дворе полиция стащила его с тумбы и хотела арестовать, но студенты отбили его.

Почти каждый день он заходил к А. М. Горькому, часто сопровождал его в его походах по Москве. Был на Пресне, на Тверской, когда по этим улицам стали лить из лушек. При этом Бальмонт носил в нармане револьвер, подаренный ему одним из его друзей, и он страшно гордился им, ежеминутно ощупывая его в нармане и показывая его всем, как маленький мальчик свою новую игрушку. Обращаться он с ним не умел, и я ужасно боялась, что он пристрелит себя или ногу-нибудь, если бы ему действительно пришлось защищаться. Опасность, что на него нападут, была серьезная, так как его портрет, а также портреты Горького, Андреева, Ситальца, Чиринова и других, как подстрекателей бунта, были развешаны на улицах, и черносотенцы-охотничьи пригlašались с ними разделаться. А у Бальмонта была очень заметная внешность, его светлые

щалося всякое движение. Москва была на военном положении. Не успели мы отехать на извозчике от дома Рябушинского, как нас окружили солдаты с винтовками и хотели нас обыскать. Бальмонт протестовал. Он уговаривал солдат бросить ружья и перейти к нам, революционерам. Нас отпустили только потому, что я сказала, что «господин выпил лишнее на елке вот в этом доме», — я показала на дом Рябушинского, где тушили свечи, и в доказательство показала им норушку с елочными украшениями, которую я взяла своей дочке с елки.

Бальмонт был в постоянном возбуждении, не мог сидеть дома, не мог работать. И я уснорила наш еще раньше проеитированный отъезд за границу, убеждая его в том, что он оттуда может быть полезнее делу революции.

Мы тогда, в 1906 году, ехали в Париж где прожили безвыездно несколько лет...

После издания «Песни мстителя» и сотрудничества в «Красном знамени»... чем Бальмонт сильно сомпрометировал себя в глазах охранного отделения, он был на подозрении и считался неблагонадежным».

П. КУПРИЯНОВСКИЙ,
доктор
филологических наук
ИВАНОВО